

Барбара Линн-Дэвис

Майная жена
Казановы

Барбара Линн-Дэвис

Майная жена
Казановы

*Неизвестная и полная страсти история
о жене легендарного Джакомо Казановы!*

Венеция, XVIII век. Жизнь Катерины Капретте спокойна и размерена. А двадцать лет назад она бурлила любовными авантюрами и сладострастными приключениями — ведь когда девушке было четырнадцать, в нее влюбился сам Казанова, знаменитый соблазнитель. Для того чтобы удержать его рядом с собой и обязать жениться, Катерина решила на отчаянный шаг... За это родители отправили ее в монастырь. Спустя годы давняя соперница Катерины Марина начинает грязный шантаж, всеми силами стараясь раскрыть шокирующие и головокружительные тайны жены Казановы....

Вы не сможете спать до самого утра, стремясь узнать, что произошло с Катериной и Казановой. Безусловно, эта книга — одна из самых страстных любовных историй всех времен.

Historical Novels Review

Захватывающая драма о загадках, любви и потерях.

Publishers Weekly

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4192-3

9 786171 1241923

Barbara Lynn-Davis

*Casanova's Secret
Wife*

A NOVEL

Барбара Линн-Дэвис

*Майная жена
Казановы*

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)
Л59

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:

Lynn-Davis B. *Casanova's Secret Wife: A Novel* / Barbara
Lynn-Davis. — New York : Kensington Books, 2016. — 352 p.

Перевод с английского *Инны Паненко*

Дизайнер обложки *Иван Дубровский*

ISBN 978-617-12-4192-3
ISBN 978-1-4967-1232-5 (англ.)

- © Barbara Lynn-Davis, 2017
- © Hemigo Ltd, издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2018

*Посвящается Патриции Фортини-Браун,
которая поделилась со мной своей любовью к Венеции*

Глава 1

Остров Мурано в бухте Венеции

Март 1774 года

Катерина Капретте сидела на краю стула в холодной комнате, куда, казалось, уже никогда не придет весна. Она заставила себя встретиться с пугающим, пронзительным взглядом аббатисы Марины Морозини, ее давней приятельницы и не менее давнего врага, которая сидела за резным письменным столом с витыми ножками. Позолоченная бронзовая виноградная лоза карабкалась по блестящим ножкам красного дерева, и они были будто охвачены пламенем.

Аббатиса кивнула:

— Катерина, рада, что ты выбралась в монастырь навестить нас. Сколько ты к нам не заглядывала?

Катерина не могла отвести глаза от бывшей красавицы Марины. Восковая кожа натянулась на скулах. Некогда зелено-голубые глаза поблекли. Она была облачена в черную рясу, черную шапочку-велон и белый чепец, скрывающий ее уши, шею и волосы. Исчезли все запретные детали, с которыми Марина не расставалась, даже постригшись в монахини: заколки для волос с драгоценными камнями, длинные ногти, розовая вода, которой, казалось, благоухала каждая складка ее рясы.

В горле у Катерины пересохло, но она заставила себя отвечать.

— Лет двадцать прошло.

Марина сделала глоток воды из кубка.

— Двадцать лет... да... целая вечность. Как я уже объяснила в письме, в монастыре произошло событие, заставившее меня вспомнить о тебе.

— Польщена, что вы продолжаете думать обо мне, — сказала Катерина. Как будто бы Марина могла ее забыть. — Но мне трудно представить себе, чем я могу быть полезна, ведь вы теперь настоятельница. А я мало разбираюсь в духовных вопросах. — Катерина наклонила голову, как будто избегая удара.

— Я пригласила тебя сюда не для того, чтобы советовать по духовным вопросам, — ответила Марина, почти не скрывая своего раздражения. — У меня, к сожалению, возникла проблема с одной из юных послушниц — шестнадцатилетней девицей. Ее привез сюда отец. Месяц назад. Мать у нее умерла. Он предложил мне целый мешочек золотых цехинов, чтобы я ее взяла. Разве я могла ему отказать?

Катерина подняла глаза, но ничего не произнесла, понимая, о чем идет речь. Мало кто из нынешних девиц остается в монастырях из религиозных соображений, многих оставляют здесь в целях безопасности.

— Одна проблема: она беременна. Только об этом отец предпочел умолчать, — с усмешкой продолжала Марина. — Он уселся в это кресло, стал показывать мне старинные монеты и камеи, которые раскопал в земле. Называл себя антикваром. Он как раз направлялся в Константинополь, сказал, что не может взять дочь с собой — учитывая безбожность язычников. Молил меня о помощи.

Когда речь зашла о беременности, внутри у Катерины все скрутило. Но она продолжала молчать, надеясь, что ошиблась в своих предположениях относительно того, куда ведет этот разговор.

— Я не могу оставить Леду в монастыре Санта Мария дельи Анджели — Святой Марии и ангелов, — заявила Марина, подтвердив страхи Катерины. — Скандала не миновать. Разумеется, ты все сама понимаешь.

Катерина кивнула. Конечно, она все понимала.

— Я должна удалить ее из монастыря, пока она не родит. Поэтому я спросила себя — кто мог бы согласиться принять у себя девушку в таком положении, как Леда, без лишних вопросов? Войти в ситуацию? И тогда я вспомнила о тебе.

— Марина! — взмолилась Катерина. Мысленно она уже хваталась за ручку массивной дубовой двери, бежала к докам и скользила в лодке домой. — Вы слишком высокого обо мне мнения. Уверена, что здесь ей будет намного лучше.

Марина просто ждала, когда впечатление от произнесенных Катериной глупых слов развеется, как дурной запах. Потом она впервые за время встречи улыбнулась. У нее на губах был налет болотного цвета.

— Ангел мой. Я могу тебя так называть?

Катерина почувствовала скрытый подтекст в словах Марины. Кое-кто другой много-много лет назад называл ее «ангелом». И где-то далеко, возможно, он до сих пор ее помнит именно такой.

— Между нами многое было, верно? — На мгновение перед ней вновь была прежняя Марина. — Я помню тебя в четырнадцать лет. Ты была сама невинность! Как все мы тогда полагали.

Катерина нервно засмеялась, опустила глаза, чтобы скрыть зардевшееся лицо. Кровь застучала в висках.

— Я узнала тебя с другой стороны, — продолжала Марина, — и все эти годы хранила твою тайну. Кто знает почему? — Она вздохнула. — Что бы я выгадала, если бы начала мстить? Ты и так потеряла все. И я оставила тебя в покое.

Катерина сидела на стуле, будто мраморное изваяние. Она слышала, как за окнами плещется у поросших мхом камней вода лагуны.

— А теперь, моя старинная подружка, — вела свое Марина, — я прошу тебя об одолжении. Это ненадолго... как я понимаю, всего на полгода. Помни, что эта девушка такая же глупышка, как и ты была когда-то... мы все... когда-то были.

Катерина подняла голову, посмотрела в поблекшие глаза, взгляд которых смягчился от давних воспоминаний.

— Ты сможешь ей?

— Конечно. — Катерина проиграла эту битву, но ответила так уверенно, словно это было ее собственное желание.

— Отлично, — Марина улыбнулась своей зеленоватой улыбкой. — Леда ожидает тебя в своей келье, готовая ехать.

Глава 2

Не прошло и часа, как Катерина опять сидела в гондоле, направлявшейся назад в Венецию, но на этот раз женщина была не одна. Вода в лагуне была покрыта рябью из-за гуляющего в бухте мартовского ветерка. Катерина осталась в теплой каюте, но Леда сидела прямо на скамье. Ее розовое хлопчатобумажное платье, совершенно не подходящее для этого времени года, трепетало на ветру. Катерина наблюдала за тем, как девушка отрешенно смотрит на воду, как будто не замечая ни присутствия самой Катерины, ни двух гондольеров на веслах. Казалось, что она отдалась на волю ветра и волн.

У Леды были русые волосы с каштановым отливом. При солнечном свете и на открытой воде они приобрели странный пурпурный оттенок — неужели она их покрасила? На шее девушка носила странный золотой кулон на черной бархатной ленте. Кулон был толстый, квадратный, резной, но узор на кулоне Катерина разглядеть не могла. Плечи и спину Леда не распрямляла, поэтому ее живот казался чуть-чуть вздутым. Но Катерина заметила, что гондольеры смотрят на нее так, как будто она — неземная красавица. Наверно, все дело в ее глазах — они были голубыми, как у англичанок или ирландок, и навели на мысли о дальних странах.

Леда была родом из знатной флорентийской семьи Строцци. Ее настоящее имя — Филлида, как сообщила ей Марина, когда они шли по коридорам монастыря, чтобы забрать своенравную девчонку. Это греческое имя ей дал отец. Но в детстве она могла выговорить только «Леда», и это сокращенное имя прижилось. «Леда», — повторяла про себя Катерина, наблюдая за сидящей на борту девушкой. Бог Зевс

так сильно возжелал мифологическую Леду, что овладел ею, превратившись в прекрасного лебедя.

Спустя час они приплыли к дому Катерины, стоящему на широком солнечном *fondamenta*¹ напротив острова Джудека. Чары Леды словно рассеялись, гондольеры бесцеремонно сбросили ее сумки на тротуар прямо перед входной дверью и уплыли. Сундук с ее остальными пожитками доставят через день-два.

Леда повернулась спиной к сумкам и лениво стояла, пока Катерина доставала ключи. Она вошла следом за хозяйкой в дом. И только там Катерина поняла, что сумки так и остались лежать, забытые на тротуаре.

— Леда, у меня слуг нет. Если тебе нужны твои вещи, ты должна сама перенести сумки.

Впервые с момента их знакомства в глазах Леды засветилась заинтересованность.

— А почему у вас нет слуг? Дом выглядит довольно богато. У нас было четырнадцать слуг, включая моих наставников.

Катерина почувствовала, что своими словами девушка не хотела ее обидеть. Леда просто сказала правду. Поэтому Катерина ответила ей вежливо:

— Слуг нет. Мне в жизни прислуга ни к чему.

Леда посмотрела на хозяйку, потом вышла на улицу и взяла самую легкую из сумок. Катерина дала ей еще пару вещей, а сама навьючилась, как ослик.

Самовлюбленная девчонка. Когда она отсюда уедет?

Катерина покормила Леду ужином, но сама сказала не голодной. Это была неправда, Катерина очень хотела есть. Пока никто не видел, она съела несколько ложек пасты с бобами прямо из кастрюли и жадно, словно крестьянка, набросилась на твердый хлеб. Густой соус стекал по подбородку и капал на сорочку. Ей было стыдно за свое обжорство, но ужинать

¹ Тротуары вдоль каналов в Венеции. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

с незнакомым человеком она не хотела. Она сказала Леде, что пораньше ляжет спать.

Катерина решила уступить Леде свою спальню, а сама перебралась в комнату поменьше, которая находилась дальше по коридору. Ее спальня была самым уютным помещением в доме, в мавританском стиле с двойным арочным окном, выходящим на канал Джудекка. Комната до самого вечера была залита солнечным светом, и Катерина уже давно наслаждалась тем, что считала дни, каждый раз провожая ленивый закат. В спальне изголовьями к окнам стояли две узкие кровати, выкрашенные в зеленый цвет с золотым отливом.

Катерина уступила свою комнату отчасти из вежливости. Она не хотела, чтобы Леда чувствовала себя несчастной в свободной комнатке с одним-единственным крошечным окошком. А еще Катерина не хотела, чтобы Леда рылась в письмах, хранящихся как раз в этой свободной спальне. Откровенно говоря, она могла бы просто перенести в другое место шкатулку из слоновой кости, где она хранила под замком эти послания. Но эта маленькая комнатка последние годы стала казаться нежилой, благодаря волшебству этих писем. Как будто шкатулка излучала тайну, наполнявшую воздух. Сегодня вечером это ощущалось больше обычного. Визит в монастырь Санта Мария дельи Анджели всколыхнул непрошенные воспоминания.

— Синьора! — услышала Катерина шепот Леды у дверей маленькой комнатки. Ставни были плотно закрыты, повсюду царил темнота. Она поняла, что заснула, но сейчас проснулась и ее одолевал голод.

— Синьора! — на сей раз громче.

Катерина промолчала.

На следующий день было воскресенье, и Катерина пригласила Леду сходить на мессу в находившуюся неподалеку церковь Сан Грегорио. Утром она пребывала в более благостном расположении духа.

— Но как вы меня представите? — поинтересовалась Леда и, положив руку на живот, присела на кровать.

У Катерины не было заранее готового ответа. Да уж, раньше она соображала гораздо быстрее, но те времена давно позади.

Леду вдруг осенила мысль.

— Можем сказать, что я ваша племянница. Племянница из Флоренции, которая...

— Нет, племянница не подойдет. Если бы ты знала моего брата, то поняла бы почему. Любое упоминание его имени — и мы разворошим улей со сплетнями.

— Тогда я назовусь своим именем, — сказала девушка. — Леда Строщи, которую сначала бросил любимый, потом собственный отец, а теперь и матушка настоятельница. Можно сказать, что вы просто очередное звено в этой цепи.

Такая неприкрытая откровенность испугала Катерину.

— Да брось ты, Леда. Мы скажем... что ты... двоюродная сестра Бастиано, недавно овдовевшая. Это печальная история. Больше никто ничего спрашивать не будет.

— А кто такой Бастиано?

— Ой! — Катерина отвернулась, чтобы взять с комода с зеркалом пару сережек. — Мой муж. — Она гадала, окажется ли Леда любопытной и станет ли дальше расспрашивать.

— У вас есть супруг, синьора? И где он? Это его комната? — Она захихикала. — Я что... спала в его постели?

Катерина постаралась все объяснить:

— У меня действительно есть муж. Чаще всего он живет этажом ниже и... часто ездит в Падую по делам.

Леда удивленно смотрела на Катерину, наверное вспоминая, как к ней прикасался ее возлюбленный, и недоумевая, как муж может жить отдельно от жены. Катерина потупила взгляд.

— Синьора... — Леда резко поменяла тему разговора. — Вы мне можете уложить волосы?

— Разумеется! — ответила Катерина.

Похоже, Леда из вежливости пытается отвлечь ее от неприглядной обыденности: постоянно находящегося в разь-

ездах мужа, отсутствия слуг. В этом доме не было даже канарейки. Стояла могильная тишина, как на кладбище.

Катерина усадила Леду в кресло, лицом к воде, и стала причесывать ее необычные волосы. Похоже, девушка редко их причесывала, но пыталась самостоятельно обрезать. И волосы явно красили... соком ягод? Она спрашивать не стала. Она радовалась, что они держатся на определенном расстоянии друг от друга, что Леда сидит к ней спиной и каждая из них затерялась в своем собственном мире.

Катерина поняла, что ей просто необходима расческа, если она надеется распутать узелки. Она осторожно тянула каждую прядь, придерживая ее у корней, чтобы ослабить рывки. Но все равно Леда каждый раз дергала головой, когда Катерина проводила расческой.

В голове Катерины роились мысли.

«Как долго у меня будет жить эта девушка? Полгода, как обещала Марина? Или дольше? И чего стоят обещания Марины?»

Марина. Катерина резче дернула волосы девушки.

Леда достала носовой платок и высморкалась. Катерину вновь охватила паника. «А если я от этой девчонки заболею? Неужели этого Марина на самом деле и добивалась? Ведь флорентийцы даже бросались гнилым мясом и собственными экскрементами через стены Сиены, чтобы всех заразить». Она продолжала яростно расчесывать волосы. Леда вновь высморкалась. Катерина почувствовала отвращение.

Она посмотрела на канал, неожиданно ощутив желание бросить все. И только тогда заметила, как вздрагивают плечи Леды.

— Леда! Ты плачешь? Тебе больно? — поддавшись порыву, она обняла сзади девушку за плечи.

— Все в порядке, синьора, — ответила Леда, похлопав Катерину по руке. На глаза у нее навернулись слезы, но она вымученно улыбнулась. — Уверена, прическа очень красивая.

Устыдившись своего раздражения, Катерина продолжила нежно расчесывать две густых пряди волос, уложила их с помощью заколки, которую вытащила из собственных редеющих волос. Заколку венчал шарик из эмали, и его живые цвета в золотой паутинке лишь подчеркивали пурпурный оттенок волос Леды. Катерина заметила, что Леда так и не подошла к зеркалу, чтобы посмотреть, как она выглядит: в ней не было ни капли тщеславия, и от этого она казалась еще красивее.

По дороге в церковь Леда взяла Катерину под руку, как это было принято в Венеции. Катерина возражать не стала.

— Леда! — обратилась к ней Катерина через пару ночей. — Тем утром, когда ты расплакалась... Ты плакала потому, что я причинила тебе боль? Или потому, что тебе грустно?

Они вместе ужинали в гостиной Катерины. Леда подбирала остатки спагетти с анчоусами хлебом и клала пропитанные подливкой кусочки в рот. Катерине льстило, что по крайней мере девушке нравится, как она готовит.

— Ой, синьора... не знаю, как ответить...

— Ты скучаешь... по тому мужчине... который... — Катерина кивнула на живот, потому что не смогла подобрать подходящее слово.

Леда покачала головой. А потом расплакалась.

Катерина тут же пожалела о своем любопытстве. Но Леда взяла себя в руки и поспешно вытерла слезы салфеткой. На ее щеках остались розовые пятна, а глаза блестели.

— Простите, — ответила Леда. — Вы не поймете.

— Конечно же, я все пойму! — Катерина готова была отстаивать свое право на искренность.

— Нет, синьора! — зарделась Леда. — Ваш супруг спит в другой части дома. Вы ходите, куда вам вздумается, словно его вообще нет...

— ...но его действительно нет дома! Я же говорила тебе, он в Падуе.

— Но, синьора, вы никогда не рассказываете о нем, никогда лишний раз не произносите его имени, никогда не улыбаетесь при звуке его имени. — Сейчас девушка улыбалась. Уж она-то точно произносила про себя чье-то имя.

— Леда, — сказала Катерина. — Бастиано на девятнадцать лет старше меня. И дело не только в годах. Он добрый человек, который... — Она посмотрела на свою любимую картину, висевшую прямо над ними. — Если бы он смотрел на эту картину — Дева Мария в лучах заката, одной рукой она гладит кролика, Сын ее тянется к животному, демонстрируя свою невинную нежность, — Бастиано сказал бы мне: «Из чего сделана эта рамка? Из ореха?»

Леда засмеялась, потом опять немного поплакала. Сегодня ее бросало в крайности. Катерина тоже не смогла сдерживать смех. Даже самые печальные события в жизни могут казаться забавными... по прошествии времени.

Но она была готова сменить тему о Бастиано.

— В моей жизни был другой человек, — призналась она. — Когда я была еще моложе тебя.

Зачем она это сказала? Не ради того, чтобы помочь Леде, — не стоит обманываться. Нет, она поступила так ради себя. Ей очень хотелось вернуться в то время, воспоминания о котором были так сладостны.

Она встала из-за стола и отправилась в маленькую комнатку, которая теперь служила ей спальней. Шкатулка из слоновой кости стояла на ночном столике, и ее гладкая поверхность отражала серебристый свет луны, льющийся из окна. Ключи Катерина всегда носила на поясе. Ключ от шкатулки был красно-коричневым от ржавчины, как и замок. И впервые за многие годы она открыла шкатулку, провернув ключ дрожащей рукой.

Там они и лежали, целая кипа: все ее покрытые пылью письма, наполненные старыми любовными историями. Письма от ее кузины. Письма от ее любовника. Письма, которые на самом деле и письмами не были, скорее дневниками, написанными для себя. Она пролиставала несколько

первых страниц, проверила: на месте ли все слова. Удивительно, как старинные вещи ждут своего часа, ждут, когда их вспомнят.

Катерина взяла лишь пару самых первых писем для Леды, чтобы они помогли все вспомнить. И стала рассказывать девушке. Но она понимала, где стоит остановиться. Она тщательно оберегала самые потаенные моменты своего прошлого от посторонних глаз.

Глава 3

Венеция, май 1753 года

За двадцать лет до описываемых событий

— Катерина! — позвал меня мой брат Пьетрантонио. Его голос поплыл над лоджией в задней части нашего дома, где я чаще всего проводила дни. — Спускайся! С тобой пришли познакомиться!

Я обрадовалась, что моей скуке пришел конец. Мой мир в это время сузился до череды замкнутых пространств: моей лоджии, выходившей в сад с высоким забором... сад, который тыльной стороной примыкал к крошечной площади, Кампелло Барбаро. Вдоль дома тянулся узкий канал, впадающий в Большой канал.

Я сбежала вниз в домашних туфлях на каблуках. И остановилась прямо перед дверью, ведущей в *pòrtego* — прихожую, чтобы поправить успевший соскользнуть корсет зеленого в цветочек платья и локоны на шее.

Войдя в прихожую, я увидела высокого мужчину лет тридцати, который стоял у окна и беседовал с моей матерью. Эта комната, связывавшая два крыла дома, была увешана мрачными картинами и заставлена тяжелой позолоченной мебелью. Когда матушка заметила меня, то сделала молодому человеку реверанс и молча удалилась. Амор — ее маленькая белая собачка — последовала за ней. У двери мама ободряюще мне улыбнулась.

— Мадемуазель! — воскликнул высокий, на диво красивый молодой человек, когда я подошла ближе, удивив меня тем, что заговорил по-французски. — Ваши матушка и брат без устали вас расхваливали! Я сказал, что должен сам с вами познакомиться! — Он оценивающе оглядел меня с головы до ног и низко поклонился.

— Синьор Казанова помогает мне в моем новом начинании, Катерина. — Мой брат с важным видом вошел в комнату с бумагами в руках. — Скоро мы будем весь город снабжать говядиной, я сделаю его богатым человеком.

Казалось, что синьор Казанова сдерживает улыбку. Я обрадовалась, что он не воспринимает моего братца всерьез. Благодаря идеям Пьетрантонио еще никто не разбогател.

Я сдержалась и не высказала собственное презрительное мнение о брате. Пьетрантонио был в два раза меня старше — мне было четырнадцать, ему тридцать два — и всю жизнь всех обманывал. Отец был прав, вышвырнув его из дому. Но сейчас, когда отец уехал по делам, братец просто обвел вокруг пальца нашу наивную матушку и вернулся домой. Как говорится: кот из дома, мышки в пляс.

— Ты не могла бы развлечь нашего гостя, пока я буду составлять договор? — спросил у меня брат. Он разговаривал быстро и почти никогда не смотрел собеседнику в глаза.

— Разумеется, — ответила я.

— Тогда присоединяйтесь ко мне, — пригласил синьор Казанова, указывая на диван. Я присела, он расположился на подходящем расстоянии. — Мне очень повезло, что я застал вас дома.

— Ах, я всегда дома. — Вот глупышка. Сама развеяла интерес к себе.

Он вежливо улыбнулся:

— Тогда вы заставляете других искать вас на улице. Умный ход.

Наши глаза встретились, и я благодарно улыбнулась в ответ. Отвела взгляд, а затем стала разглядывать его более

пристально. У него была смуглая кожа и черные сияющие глаза. Одет он был в темно-синий камзол, расшитый экзотическими птицами, пальцы унизывали драгоценные перстни.

— Я только что вернулся в Венецию, несколько лет провёл за границей, — объяснил он. — Мне повезло, что я познакомился с вашим братом, и еще больше повезло, что я встретил вас. — Он нагнулся ближе, и мое сердце неистово забилось от такой близости.

— И где же вы путешествовали? — поинтересовалась я, отодвигаясь и уводя разговор от своей особы. Что я знала о мире? Я редко выходила из дому, и только в сопровождении матушки — обычно мы ходили в церковь.

— В Париже, целых два года. Потом я ездил в Дрезден и наконец поехал в Вену. Удивительный город, но я уже стремился домой.

Я гадала, неужели у него закончились деньги? Это объясняло бы, зачем он связался с моим братом. Но свои мысли я оставила при себе.

— Расскажите мне о Париже! — вместо этого попросила я. — Вы видели короля? Людовика XV. Говорят, что он очень красив.

— Так и есть. Красив, словно бог. От одного взгляда на него понимаешь, что такое величие.

— А королева? Тоже красавица?

— О нет! Она стара и чрезмерно набожна. Плохо одевается и носит эти ужасные огромные польские шляпы.

Я весело засмеялась. Его взгляд задержался на моих губах.

— Придворные дамы тоже все уродины, — продолжал он, явно потеплев от моего смеха. — Они носят пятнадцатисантиметровые каблукы, чтобы казаться выше, и покачиваются при ходьбе, вот так... — Он вскочил и смешно передразнил дам.

Я коротко рассмеялась:

— Синьор Казанова...

— Джакомо...

— Джакомо, если вы будете говорить такую нелепицу, солнце на небе остановится!

— Что-что? — Он перестал смешно прохаживаться и вновь сел на диван.

— О, так говорит моя матушка — она из Далмации. Если слышишь какую-то глупость, то говоришь, что из-за этого солнце перестанет двигаться по небу.

— О боги, неужели вы все еще верите, что солнце вращается вокруг земли? — Он взглянул на меня с удивленной улыбкой. — Меня учили такой же чепухе — «Земля висит недвижимо в центре Вселенной». Но эту теорию обосновано опровергли. Книга Николая Коперника перевернула все представления о космосе... — С этими словами он провел длинным пальцем в воздухе, показывая мне, как земля движется по своей орбите. — Теперь в центре всего находится солнце.

Мне было стыдно за свое невежество. Всего за несколько минут он изменил мои взгляды на небесный свод и заставил весь мир вращаться.

Я потупила взор.

— Прошу прощения, синьор Казанова. Я знаю о мире столько же, сколько птичка в клетке. Уверена, что вам очень скучно.

— Вообще нет, — ответил он. — Я считаю вас совершенно очаровательной. — При этих словах я зарделась, а он воспользовался возможностью и взял меня за руку.

— Ах! — Я отдернула руку, но не потому, что мне было неприятно, а потому, что удивилась его дерзости.

В комнату вернулся мой брат, и синьор Казанова вежливо извинился. Внезапно ему понадобилось куда-то идти.

Он ушел, так и не подписав договор. А он не дурак... я много раз в этом потом убеждалась. Казанова получал то, что хотел, но никогда не заходил слишком далеко. Как он однажды сказал?

«Обман — это грех, а маленькая хитрость — просто предусмотрительность».

Глава 4

Ночью шел дождь. Утро выдалось облачным и влажным. Я была занята в кабинете отца. Это мое любимое место во всем доме, по крайней мере когда самого отца дома нет. Благодаря мягким турецким коврам и книгам в кожаных переплетах, в этой комнате царил уют. Целую стену занимала *intarsia* — деревянная мозаика из различных пород дерева. Это искусство было так похоже на саму жизнь: могло обмануть глаз. На ней были изображены музыкальные инструменты, песочные часы, даже белка, словно живая, — казалось, что она вот-вот прыгнет на пол. Деревянная мозаика была очень старой — без сомнения, мой отец не стал бы оплачивать подобную прихоть.

На полках рядами стояли гроссбухи отца. На взгляд четырнадцатилетней девчонки, дела отца — скука смертная. Он торговал вином и оливковым маслом по всему побережью Адриатики и на Ионических островах.

Я достала с полки большую книгу с картами. А затем часослов с картинками, принадлежавший моей матушке.

Я вздохнула. Когда я думала о матушке, то всегда начинала грустить. У нее помутилось в голове после того, как погиб мой младший брат, Себастьяно. Это случилось семь лет назад. Ему было всего пять. Казалось, что в ее голове с тех пор витают духи.

Я услышала громкий стук в дверь и вздрогнула. А потом на цыпочках прокралась вглубь коридора, чтобы меня никто не заметил.

— *Buon giorno, Signora*¹, — раздался внизу голос, о котором я мечтала все утро!

— *Buon giorno, Signor Casanova*², — приветствовала моя мама. — Как приятно видеть вас вновь. Ищете Пьетрантонио?

— Да.

¹ Добрый день, синьора (*итал.*).

² Добрый день, синьор Казанова (*итал.*).

Сердце мое ухнуло вниз. Что ему нужно от этой крысы?
 — Мне очень жаль. Но его нет дома. И я не знаю, когда он вернется. — Это была чистая правда. Мы никогда не знали, куда Пьетрантонио уходит и когда вернется. Днем или ночью.

— *Bene, Signora*¹. — Молчание. — А могу я в таком случае увидеть *signorina*²? Пьетрантонио просил меня передать записку ей, если его не окажется дома, когда я приду.

Я прикусила палец от волнения. Интересно, впустит ли его матушка?

— *Certo, Signor Casanova*³.

Разумеется, ей следовало ему отказать. Так поступил бы отец. Но мама решила подарить мне частичку счастья. Мне кажется, она знала, как мне одиноко... как я теперь понимаю, мы обе были очень одинокими.

Я побежала назад в кабинет. Села за маленький столик, переводя дух, и сделала вид, что читаю часослов.

Матушка провела Джакомо в кабинет с несколько нервной улыбкой. Выходя, оставила дверь открытой — я подозревала, что она в соседней комнате будет вышивать и слушать нашу беседу.

— *Buon giorno*, Катерина, — приветствовал Джакомо. — Что вы читаете?

В окно струился солнечный свет и падал на его зеленый шелковый камзол. Он присел и стал вглядываться в разноцветные картинки.

— А-а! — тут же разочаровался он. — Молитвы.

— Мне нравится читать истории о святых, — сказала я, пытаясь, чтобы в моем голосе звучала заинтересованность.

— Неужели? — он подвинул стул поближе ко мне. — Святые живут ужасно скучно.

Мне понадобилась всего секунда, чтобы собраться с мыслями после такой откровенности.

¹ *Здесь: Жаль, синьора (итал.).*

² *Синьорина (обращение к девушке) (итал.).*

³ *Конечно, синьор Казанова (итал.).*

— Насколько я понимаю, у вас жизнь нескучная? Не святая? — поддразнила я.

Он громко рассмеялся:

— О да, святым меня не назовешь! Жизнь — это праздник, когда позволяешь себе ею наслаждаться: получать удовольствие от крепкого здоровья, полного кошелька и любви. — Он коснулся своей ногой моего бедра, и я ощутила, что в кармане его бриджей лежат часы.

— Это ваш рецепт счастья? — поинтересовалась я.

В глазах его плясали чертики. Неприкрытая радость звала у меня улыбку.

— Да. Случаются, конечно, неудачи, несчастья... мне ли не знать! Но уже само наличие этих несчастий доказывает, что счастья намного больше!

— Несчастья? — проявила я любопытство: а есть ли что-то большее за модной одеждой, украшениями и красивым лицом? Но он не дал возможности мне это узнать. Казанова уже встал, меняя тему разговора.

— В этой библиотеке читать нечего? Только гроссбухи и религиозные книги? — спросил он, разглядывая полки. — Ни поэзии, ни романов?

— Только гроссбухи и жития святых, — ответила я, краснея. — Отец другое мне читать не разрешает.

— Вы заслуживаете намного большего, чем может предложить эта библиотека, — сказал он, недовольно покачивая головой. — На первый взгляд библиотека впечатляет, но, по сути, читать здесь нечего. Мой долг принести вам книгу, которая заняла бы ваш разум.

— Какую? — оживилась я. — Из того, что вы сами прочли?

— Ваш покорный слуга начал и сам писать, — ответил он, слегка кланяясь. — В прошлом году мой перевод одной французской оперы на итальянский поставили на сцене в Дрездене.

— Ничего себе! — воскликнула я, всплеснув руками.

— Хвастаться нечем, — с серьезным лицом ответил он. — Кажется, он понравился только моей матушке.

— О... — протянула я, одновременно веселясь и смущаясь из-за его театрального провала. — Уверена, вы талантливый писатель. Может быть, музыка была плоха.

— Вы просто восхитительны, мой ангел, — вздохнул он, казалось, даже жалея об этом. Он вновь сел рядом, взял меня за руку. — Завидую тому мужчине, которому суждено стать вашим супругом.

Раздался звон металла: у сидящей в соседней комнате мамы из рук выпали ножницы? Я отстранилась.

— Не стоит, — виновато прошептала я.

— Я все понимаю, — ответил он и глубоко вздохнул. Провел рукой по тщательно уложенным волосам, сбрызнутым духами с запахом жасмина. — Конечно же, вы правы. Не следовало мне приходиться, но я не мог удержаться.

От этих слов любовных жар из моей души растекался по всему телу, лицу.

— Вы еще придете меня навестить? — спросила я. — Мне так одиноко... а вы так поднимаете мне настроение. — Я дерзнула коснуться его предплечья.

Он переложил мою руку себе на грудь, где я услышала, как бешено колотится его сердце, а под тонкой рубашкой ощутила его теплую кожу.

— Обязательно, — пообещал он, вставая и глядя на меня глазами, в которых, казалось, зрело решение. — Не должен приходиться, Катерина. Но обязательно приду.

Глава 5

— Надеюсь, ты понимаешь, что не сможешь надолго увлечь его?

Пьетрантонио вел со мной беседу, когда мы несколько недель спустя шли к Кампо Санта Маргарита. Мы сказали маме, что вместе отправляемся на мессу, она поверила и поцеловала нас в щеки на прощание.

Благодарность автора

Несколько лет тому назад, прогуливаясь со своей подругой Линдой Фишер по кладбищу Маунт-Оберн (близ Бостона, штат Массачусетс), я поделилась с нею своим замыслом — написать роман о Джакомо Казанове и его юной возлюбленной Катерине Капретте. Мне захотелось рассказать историю этой девушки.

— Конечно, работа и семья отнимают слишком много времени, — сказала я, пожимая плечами. — Вполне возможно, что я так ничего и не напишу.

— А почему бы и не написать? — мягко возразила мне Линда.

Ее ответ запал мне в душу. И вскоре я села за книгу.

Первые наброски прочитали Патриция Фортини-Браун, Джон Батмен, Селия Латц, Кьяра Пикок, Эмили Рубин и Моника Шмиттер. Прочитав, они меня похвалили и придали уверенности. *Mille grazie* (огромное спасибо), как говорят в Италии, замечательным женщинам из «Конкорд райтерз груп», которые читали и вычитывали мой труд. Это Джаннина Калабриа, Сью Кертен, Бекки Сью Эпстайн, Катерина Эсти, Фрэн Григсби, Мейл Хулихен, Элизабет Таунсенд и Марти Томас Уэбстер. Особенно глубоко я признательна Джуди Стернлайт — моему редактору, исключительно одаренной, тактичной и наделенной умением вселять веру в успех. Никогда не забуду, как мы сидели с нею на холме в Центральном парке Нью-Йорка: вокруг нас бегал ее пес Руби, а мы с нею прорабатывали финальную сцену романа. Наше воображение устремлялось к одной цели, мы делились своими фантазиями, вместе погружались в атмосферу

восемнадцатого столетия, а солнце ласково согревало нам спины.

Мой литагент Элизабет Уиник-Рубинстайн всегда верила в успех романа, и я глубоко признательна ей за то, что она помогла мне найти Алисию Гордон — редактора в издательстве «Кенсингтон паблишинг». С первого звонка я поняла, что книга попала в надежные руки.

Большое спасибо моей семье: родителям — Самнеру и Филлис Майерс, моему мужу Майклу, дочери Джиневре, нашей собаке Лире и кошкам Шуре и Клементине. Благодаря этим людям и зверушкам я чувствую себя нужной, любимой, ощущаю ежедневную поддержку всем моим мыслям и мечтам.

Літературно-художнє видання

ЛІНН-ДЕВІС Барбара
Таємна дружина Казанови
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *Т. М. Віланова*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 14.11.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Petersburg». Ум. друк. арк. 15,96. Наклад 5000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cor@bookclub.ua

Відруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

ЛИНН-ДЭВИС Барбара
Тайная жена Казановы
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *Т. Н. Виланова*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 14.11.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Petersburg». Усл. печ. л. 15,96. Тираж 5000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cor@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНІСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Венеція, XVIII століття. Життя Катерини Капретте спокійне та розмірене. Проте двадцять років тому воно вирувало любовними авантюрами та пікантними пригодами — адже коли дівчині було чотирнадцять років, в неї закохався сам Казанова, відомий спокусник. Аби втримати його поруч та змусити одружитись, Катерина наважується на відчайдушний крок... За це батьки відправляють її до монастиря. Згодом давня суперниця Катерини Марина розпочинає брудний шантаж, усіма силами намагаючись викрити шокуючі та приголомшливі таємниці дружини Казанови...

Линн-Дэвис Б.

Л59 Тайная жена Казановы / Барбара Линн-Дэвис.— Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 304 с.

ISBN 978-617-12-4192-3

ISBN 978-1-4967-1232-5 (англ.)

Венеция, XVIII век. Жизнь Катерины Капретте спокойна и размеренна. А двадцать лет назад она бурлила любовными авантюрами и сладострастными приключениями — ведь когда девушке было четырнадцать, в нее влюбился сам Казанова, знаменитый соблазнитель. Для того чтобы удержать его рядом с собой и обязать жениться, Катерина решилась на отчаянный шаг... За это родители отправили ее в монастырь. Спустя годы давняя соперница Катерины Марина начинает грязный шантаж, всеми силами стараясь раскрыть шокирующие и головокружительные тайны жены Казановы...

**УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)**